

Любовь по-индийски-2 /

повесть

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 22 января, 2025

Любовь по-индийски-2 / повесть

В свадебной суеде исчезновение Илли обнаружилось только поздним вечером. Обеспокоенная Сенем обошла соседей, но младшего сына нигде не было. Разбудили Айхана, только и он не сказал ничего вразумительного. Еще бы, ведь Айхан – замок!

Встревоженный Гельды-ага тоже отправился на поиски. Уже поздней ночью он привел Илли, держа сына за ухо. И по дороге тому, видно, досталось от отца: веки у Илли распухли, глаза были красными от слез.

Гельды-ага вытолкнул упирающегося Илли на середину комнаты.

– Скажи, где еще найдется такой бессовестный, как ты? А?

– Где ты этого негодника нашел? – Сенем хоть и радовалась, что сын отыскан, но виду старалась не показывать.

– На Воровском холме. Вырыл себе яму и спит, как ни в чем не бывало. Хорошо, Кертик-ага подсказал...

– Кертик-ага шпион!

– Я тебе покажу «шпион»! – Гельды-ага погрозил сыну кулаком, который был чуть-чуть больше, чем голова Илли. Трудно сказать, чем бы закончилась наша история, если бы Гельды-ага осуществил свое намерение, но на счастье Илли в этот момент в комнату вбежал возмущенный Ашир.

– Папа!.. Мама!.. Этот дурак совсем с ума сошел! Его к врачу отвести надо!

– Что такое? Что случилось? – всполошилась Сенем.

– Этот придурок погладил Тазегуль по щеке и заявил, что любит ее.

– Кто тебе сказал? – завопил Илли,, от возмущения выпучив глаза, но тут же прикусил язык. Что за глупый вопрос! Об этом кроме Илли и Тазегуль знали только овцы. Не они же Аширу насплетничали, к тому же всех их еще перед свадьбой пустили

под нож. Предательница Тазегуль!.. Слезы и до этого стояли у Илли комом в горле, но он сдерживался. А теперь... Теперь... Илли разрыдался и бросился в свою комнату.

Он лежал ничком на кровати, уткнувшись носом в мокрую от слез подушку, и рыдания сотрясали его.

– Не плачь, Илли-джан... Пожалуйста...

От неожиданности Илли замер. Кто это говорит? Он закрыл дверь на крючок, и кроме него в комнате никого нет. А голос нежный, точно звон серебряного колокольчика. Как у Тазегуль... Предательница!.. Теперь будет просить прощения...

– Илли-джан, дорогой, не плачь. Все будет хорошо! Вот увидишь!

Илли очень хотелось посмотреть, кто его успокаивает, но не решался поднять голову. Слезы все еще лились из его глаз. Если бы вас так обидели, вы бы тоже разрыдались! Взрослые всегда так: сначала обижают, а потом подлизываются. Все из-за предательницы Тазегуль... А теперь успокаивает, словно она не виновата. Не плачь!.. Смеются ему, что ли?!

– Ты не обижайся на них, Илли-джан. Они все любят тебя, и желают тебе только добра.

– Желают, желают, – давясь слезами, передразнил Илли. – Никто меня не любит.

– Любят. Просто ты их не понимаешь.

– Это они меня не понимают.

– Верно. Они тоже тебя не понимают. Но ведь у них сейчас столько забот, столько дел... Ты же видишь!

– Это ты, ты виновата!

– Я?.. Ой, а я-то при чем?

– Не знаешь?! – возмущенный Илли, забыв о слезах, поднял голову.

О, чудо!..

Рядом с ним сидела не Тазегуль...

Киноактриса!

Индийская красавица!!!

Не веря своим глазам, Илли мгновенно сел на кровати, и не в силах ничего понять переводил взгляд с красавицы, сидевшей рядом с ним, на ее портрет, что висел над изголовьем его

кровати.

Да, сомнений не было, индийская кинозвезда сошла к нему с обложки журнала. Вместо улыбающейся девушки там теперь были только ряды мелких буквочек (если бы подобное случилось с вами, то и вы бы, пожалуй, не сразу вспомнили о том, что сами несколько дней назад повернули портрет улыбающейся красавицы лицом к стене!).

– Ты!.. Ты как здесь оказалась?

– Тебе плохо, тебя обидели – поэтому я здесь.

– А как ты узнала, что мне плохо.

– Мы с тобой едины.

– Едины?!

– Конечно! Разве ты меня не узнал? Я – твоя душа.

– Такая красивая!.. – Илли снова разрыдался.

– Илли-джан, что же ты плачешь? Не плачь! Ты ведь мужчина!

– Я не плачу, – взволновано произнес Илли, ладонями размазывая по щекам слезы. – Я ведь тебя люблю. Честное слово! С тех самых пор, как увидел.

– Я знаю. Я тебя тоже люблю.

– Правда? – Глаза Илли засияли от счастья.

– Правда. Зачем мне тебя обманывать.

Илли смотрел на индианку и не мог насмотреться. Никогда в жизни он не видел такой красоты.

– Можно, я до тебя дотронусь?

Индианка кивнула. Илли кончиками пальцев осторожно коснулся девичей щеки.

– Ты красивая, как... – Илли на миг задумался. – Как Тазегуль... Нет, как Овадан-мугалыма... Нет, нет, ты еще красивее.

– Правда.

– Ей Богу! – Илли полоснул себя пальцем по горлу.

– Ты тоже красивый.

Илли прижался лицом к плечу индианки.

– Только ты, пожалуйста, никому не говори, что я тебя люблю.

– Никому не скажу.

– Поклянись!

– Ты мне не веришь? – удивилась индианка.

– Верю. Но скажи, пожалуйста, замок...

– Замок! А теперь закрой глаза и спи. Ни о чем не переживай, ни на кого не обижайся!

– Ты будешь со мной?

– Конечно. – Индианка прилегла на край кровати рядом с Илли.

Илли обнял индианку, прижался к ней. Потом закинул на нее правую ногу. Никогда в жизни он не спал таким крепким, таким безмятежным сном. А какие замечательные сны ему снились!.. Ни один индийский фильм с ними не сравнится...

– Илли-джан!

Илли нехотя открыл глаза. Мама склонилась над его кроватью. Она улыбалась, словно вчера вечером ничего особенного не произошло. – Вставай, сынок! А то «кино» проспешь.

– Какое кино? – недоверчиво спросил Илли.

– Выходи во двор – увидишь.

Илли посмотрел по сторонам – индианки в комнате не было. Он глянул на стену – портрет висел все так же перевернутым. Илли снял обложку журнала с гвоздей, минутку постоял, прижав индианку к груди.

– Хватит тебе с этой бумажкой возиться! – поторопила сына Сенем.

Эх, взрослые, взрослые!.. Как много вы не замечаете, сколько удивительного из жизни ваших детей ускользает от вашего взора.

Не обращая внимания на слова матери, Илли бережно разгладил картинку, потом повесил портрет на место. Белозубая улыбка индийской красавицы озарила комнату! Илли любовался индианкой, позабыв обо всем на свете, и это могло продолжаться бесконечно, но Сенем крепко взяла Илли за руку и потянула из комнаты.

Во дворе на широкой, покрытой ковром суфе завтракал Гельдыага. Сенем села рядом с мужем, усадила Илли возле себя. Только они устроились, на веранду из комнаты Ашира вышла Тазегуль. Голова ее была покрыта красивым платком – знак того, что она стала женой и невесткой. Рядом с ней шли ее подружки, а сопровождала их всех невестка Тазегуль – жена ее старшего брата. Тазегуль была так смущена, что едва шла. После каждого

шага она останав-ливалась и гелнедже приходилось подталкивать золовку. Так Тазегуль приблизилась к суфе и чуть слышно поздоровалась. Лица Гельды-ага и Сенем засветились от счастья!

– Здравствуй, моя милая, здравствуй, Тазегуль-джан! Давно мечтала я об этом дне, как станешь ты моей невесткой, войдешь в наш дом. Счастья тебе, родная! – Сенем спустилась с топчана к Тазегуль и обняла девушку. – От меня можешь яшмаком не закрываться, Тазегуль-джан. Я тебя с самого рождения знаю, сколько раз нянчила тебя.

– Нет, нет, Сенем-дайза, вы свои хитрости бросьте! – сказала одна из подружек Тазегуль. – Сначала подарки – потом разговоры.

– Да я все нашей Тазегуль-джан отдать готова! – Сенем протянула невестке заранее приготовленный узелок с подарком. Но подружка не унималась.

– Гельды-ага, а что же вы медлите? – спросила она лукаво улыбаясь.

– Я!.. – растерялся Гельды-ага. – Да все что у меня есть, детям моим принадлежит.

– Нет, разговорами вы не отделаетесь, Гельды-ага.

– Ей Богу! Кроме одежды, что на мне, все остальное – молодых. Ну, а если подарок требуется, так это с Сенем спрашивайте. В доме она всем заправляет. Я и сам у нее прошу, если мне что надо, – признался Гельды-ага.

– Илли-джан, а ты что подаришь своей гелнедже?

Тазегуль встала напротив Илли и кивнула ему. Илли заглянул в глаза Тазегуль и ему сделалось не по себе, даже мороз пробежал по спине. Тазегуль смотрела на него невинным взглядом и глаза ее улыбались.

– Илли! – шепнула сыну Сенем. – Гелнедже поздоровалась с тобой. Ты должен ей ответить.

Но Илли сделал вид, что не услышал подсказки. «Сейчас вы увидите настоящее кино!» – подумал он.

– Что-то я не заметил, как она со мной здоровалась, – произнес он с невинным видом.

Тазегуль покраснела и снова чуть заметно кивнула.

– Разве так здороваются? – возмутился Илли. – Поздороваться по-человечески не может.

Тут уж Гельды-ага не выдержал.

– А ну, ступай в дом, негодник! – крикнул Гельды-ага.

Дважды приказывать Илли не потребовалось.

Все об Илли забыли, никому он теперь не нужен. Завтракать его не позвали. В школу он не пошел, и до этого тоже никому нет дела. Правда, если говорить откровенно, молока с чуреком он бы выпил с удовольствием, а вот идти в школу ему хотелось не очень. Спрашивается, что хорошего его там ждет? Все будут смеяться, дразнить его, говорить, что он проворонил свою любовь!.. А как он посмотрит в глаза Овадан-мугалыме? Об этом даже подумать страшно! Вот кто настоящая предательница! Встречается с парнем из чужого села!

До сегодняшнего дня Илли был уверен, что весь мир принадлежит ему. Конечно, не только ему одному, но на все, что есть на земле, он имеет равное право с остальными. Оказалось, что это совсем не так. Выяснилось, что самые главные сокровища, те единственные, которыми ему хотелось владеть, принадлежат другим, а Илли к ним даже пальчиком прикоснуться не может. Сколько взрослых, узнав о куда меньшей потери, оказывались в больнице с инфарктом!

Так что Илли еще благополучно отделался. Он хоть и лежит среди дня в кровати, но инфаркта у него, слава Богу, кажется нет, а если что и терзает сейчас его сердце, так это – ревность. Нет, так дальше продолжаться не может! Илли на цыпочках подошел к двери и выглянул из комнаты. Никого!.. Во дворе тоже, ура! Он побежал на Воровской холм, но на полпути остановился и переменял направление на сто восемьдесят градусов. И вовремя! Когда он добежал до своего укрытия, в конце улицы уже показалась Овадан-мугалыма. Ее красавчик тоже не заставил себя долго ждать. Правда теперь он, вместо того, чтобы любоваться красотой Овадан-мугалымы, то и дело озирался по сторонам и вздрагивал при каждом подозрительном шорохе.

Его бдительность заразила и учительницу. Стоило Илли задеть локтем ветку, она так и восторговалась.

– Кто там! Немедленно выходи!

Илли затаился как мышь. Но в следующий миг он обрушил на влюбленных град камней. Атака была мощной и стремительной. Затем в полном согласии с законами военного искусства Илли отошел на заранее подготовленные позиции – никем не замеченный он вернулся в свою комнату.

Когда во второй половине дня Сенем заглянула к сыну, безучастный ко всему Илли лежал на кровати и разглядывал потолок.

– С голоду еще не умер? Ступай, поешь!

Илли перевернулся на бок, лицом к стенке.

Сенем, за девять лет неплохо изучившая характер своего сына, спорить с ним не стала, а принесла ломоть чурека, намазанный толстым слоем масла, от аромата которого у Илли слюнки потекли.

Только мама вышла из его комнаты, к Илли сразу вернулся аппетит. Он набросился на еду, как голодный волк на ягненка. Ел и думал, что на сытый желудок жизнь кажется все-таки не такой плохой, как она представляется голодному.

Вслед за аппетитом к Илли вернулся и слух. С веранды доносились голоса – кто-то пришел в гости. Голос гостя показался Илли очень знакомым. Чтобы проверить свою догадку он осторожно выглянул из комнаты. Увы, дурное предчувствие его не обмануло! Илли торопливо закрыл дверь на крючок. Бросился на кровать и с головой укрылся под одеялом.

Сердце его билось гулко и часто. Так гулко, и так часто, что он даже не сразу сообразил, что это стучат в дверь.

– Ильмурат, выходи немедленно! – Илли узнал голос отца.

– Сами его разбаловали. «Младшенький, младшенький...» Поручите мне, я его быстро перевоспитаю. – Это Ашир. Он затарахтел кулаком в дверь. – Быстро открой! Не заставляй меня дважды повторять!

Потом Илли услышал голос мамы:

– Нет, Овадан, ты, наверное, обозналась. Он сегодня целый день из своей комнаты не выходил. Еле упросила его кусок хлеба съесть.

– Может, ты не заметила, как он уходил? – сказал отец.

И предатель Ашир тут же поддакнул:

– От него можно ожидать, чего угодно!

– Как я могла не заметить! – возмутилась мама. – Не слепая же я.

Больше всего на свете Илли сейчас хотелось, чтобы все поверили маме. Но если сам себе не веришь, чего же ждать от других. Кажется, Сенем не удалось переубедить ни мужа, ни учительницу, хотя ей очень хотелось защитить своего сына.

Ашир снова затарабанил в дверь.

– Открывай, Илли! Смотри, пожалеешь – хуже будет!

Что может быть хуже того, что уже случилось. Скорей небо на землю свалится, чем Илли дверь откроет!

В Саганали редко случается что-то неожиданное. Конечно, каждый день здесь происходит много всякого, но только все это бывало и прежде. Может, поэтому саганалинцы живут в постоянном ожидании чего-особенного, необыкновенного, что внезапно нарушит плавное течение их жизни. И уж если что-то случилось, все саганалинцы, оставив свои дела, дружно торопятся на место чрезвычайного происшествия, что увидеть (такая удача, увы, выпадает не многим) и обсудить взволновавшее село событие. А так как обсуждать никому не заказано, обсуждение затягивает до следующего ЧП – камень тонет быстро, да круги по воде долго расходятся!

На этот раз произошло нечто, о чем долго еще будут судачить саганалинцы, а возможно, и жители соседних сел, ведь долговязый жених учительницы Овадан не саганалинец, он из соседнего села.

– Сынок, ты подумай, перед тем, как такие вещи говорить! – пытается успокоить парня Кертик-ага.

– Чего тут думать! – насккивает на него долговязый. – Все факты налицо!

– При чем тут факты, – вытирая пот со лба, вздыхает Кертик-ага. – Делать мне что-ли больше нечего, кроме как в вас камни бросать? Да ты посмотри на меня. Разве я похож на хулигана?

– Внешность бывает обманчивой. Яму вы вырыли?

– Да я тебе уже десятый раз говорю: не рыл я никакой ямы!

– А лопата чья? – не унимается долговязый.

Толстяк Кертик-ага разводит руками.

– Лопата, сынок, и в самом деле моя, – соглашается он.

Ямы не появляются сами собой. Если раньше возле тутовника ямы не было, а теперь она появилась, значит кто-то ее вырыл. Это понятно всем. Непонятно другое: кто ее вырыл и зачем это ему понадобилось? Напрасно вы думаете, что никто из саганалинцев не знает ответа на эти вопросы.

Илли, обливаясь потом, стоял среди прочих саганалинцев и следил, как Кертик-ага препирается с долговязым женихом Овадан-мугалымы. Он, может быть, даже внимательней прочих следил за перепетиями этой перепалки и поэтому не сразу почувствовал, что кто-то толкает его в бок. Это была Сулгун.

– Тебе что, места мало?! – накинулся Илли на одно-классницу.

Но Сулгун вцепилась в рукав его рубашки и решительно потянула Илли за собой. Хотя эта бесцеременность Илли очень не понравилась, он все-таки подчинился. Когда они отошли на порядочное расстояние, Сулгун отпустила рубаху и сказала, глядя Илли прямо в глаза:

– Тебе, Илли, там делать нечего.

– Это почему же? – с вызовом спросил Илли.

– А потому!.. Думаешь я не знаю? Я все-все знаю. И что Кертик-ага нашпионил, когда ты на Воровском холме спрятался... И что Овадам-мугалыма приходила на тебя жаловаться... И лопату ты украл!.. И яму ты вырыл!... И еще наябедничал будто Кертик-ага камни кидал...

Сулгун тараторила, а Илли почувствовал, что ноги у него делаются ватными.

– Кто тебе сказал? – уже менее решительным тоном поинтересовался Илли.

– Никто не говорил! Я сама все знаю!

– Продай, продай меня!..

– Я что, продавщица? – удивилась Сулгун. – Но, если хочешь, – пожалуйста!

– Беги! Беги!

– Ладно. – Сулгун пожала плечами. – Только учти, ты сам меня попросил.

Эх, верно говорят, что злейший враг человека – его характер.

Разве обязательно ссориться с Сулгун? Разве нельзя было попросить, чтобы она держала язык за зубами? Что теперь об этом думать! Ладно – мужества Илли не занимать. Он все выдержит, все стерпит... Жалко только, что такой замечательный план рухнул из-за какой-то любопытной девчонки. Как она только все разнюхала?

Этот вопрос, надо сказать, волновал Илли больше всего. Ночью он так и не смог заснуть. Утром был рассеянным и печальным. В школе не сводил глаз с Сулгун. Она, как ни в чем ни бывало бойко отвечала урок, шушукалась с подружками, звонко смеялась, бегала и прыгала на перемене. А Илли не то, что смеяться, ему жить не хотелось. Он даже на переменах не выходил из класса. Сидел, опустив голову на парту, и изредка тяжело вздыхал. Даже после уроков он не решался покинуть класс. Илли казалось, что стоит ему только выйти из школы, как на него обрушится еще какая-нибудь неприятность.

– А ты, оказывается, трусишка!

– Я?! – Возмущенный Илли поднял голову. Перед ним стояла Сулгун. – Я трус?... Можешь даже моему папе сказать, я все равно не боюсь! Не веришь?

Сулгун загадочно улыбнулась.

– Не бойся, я никому не скажу!

– Поклянись!

– Замок!

Илли облегченно вздохнул.

– Вчера я здорово испугался, – признался он. И как бы в оправдание себе прибавил: – Девчонки все такие болтливые...

Они вместе шли из школы, и Илли исподтишка наблюдал за своей спутницей. Чем дольше он на нее смотрел, тем привлекательней она ему казалась. «Смелая!» – восхищенно прошептал он. От этого настроение у Илли стало еще лучше. Он даже улыбнулся.

– Хочешь, я тебе свой дом покажу?

– Настоящий?! – удивилась Сулгун.

– Никому не скажешь?

Сулгун кивнула.

Короткими перебежками они устремились к зарослям тамариска. Илли нырнул в известный лишь ему одному лаз, Сулгун – следом,

и они оказались в шатре, сплетенном самой природой. Солнечный свет полудня лишь едва пробивался сквозь густую зелень.

Илли достал из тайника кусок старой кошмы, аккуратно расстелил ее и бросил на «ковер» свой портфель.

– Садись!

Сулгун присела на край кошмы.

– Ну как?

– Здорово! – призналась Сулгун.

Илли сел рядом с ней.

– Что делать будем?

– Я убирать буду!

– А мне что делать?

– Ты сиди. – Сулгун сорвала несколько прутьев и стала подметать. Илли облокотился на портфель, как на подушку, и стал ждать, когда закончится уборка. После бессонной ночи глаза у него так и слипались.

– Ты понарошку моя жена? – спросил Илли.

Сулгун пожала плечами.

– Хватит убирать. Иди сюда. – Илли положил портфель Сулгун рядом со своим.

– Что теперь делать будем? Обедать?

– Нет, сначала поспим немножко. – Илли растянулся на кошме.

Сулгун тоже легла.

– Когда светло, как-то не спится, – призналась она некоторое время спустя.

– А ты закрой глаза и будет темно, – посоветовал Илли.

Они зажмурились, но поспать им не удалось.

– Вы что тут делаете?!

Чей-то голос, прозвучавший точно гром среди ясного дня, вмиг лишил их сна. Илли и Сулгун сели, точно их пружиной подбросило.

Стоя на четвереньках, в дверь их дома заглядывала Овадан-мугалыма.

– Лежите? – произнесла она тоном, не обещавшим ничего хорошего.

– Сидим, – буркнул Илли в ответ незваной гостье.

– Интересно, чем это вы тут занимаетесь?

Илли почувствовал, как Сулгун прижалась к его плечу. Это придало ему смелости.

– Ждем...

– Когда восемнадцать лет исполнится? – спросила учительница с издевкой.

– Нет, мы ждем, когда придет Керттик-ага. Он захочет в вас камни бросать, а мы скажем: «Как вам, Керттик-ага, не стыдно. Что такого, если Овадан-мугалыма встречается с парнем не из нашего села. – Илли видел восхищенный взгляд Сулгун и от этого стал еще красноречивей. – Теперь все-таки не старые времена – сердцу не прикажешь!.. Парень хоть не саганалинский, но высокий, симпатичный.»

Овадан-мугаллыма схватила Илли за ухо.

– Второй раз тебе меня не одурачить. Зачем Керттик-ага станет кидаться камнями! Это ты, ты!.. Перед всем селом меня опозорил.

– Вы ему ухо оторвете! – Сулгун повисла на руке у учительницы.

– Ты еще что тут щебечешь? Руки этому негоднику надо оторвать!

– Это не он. Это я!.. – крикнула Сулгун и для убедительности схватила горсть камушков, оставшихся здесь со времен былых сражений.

Хотя в отличие от прочих саганалинцев жизнь нашего героя была полна неожиданностей и опасностей, слова Сулгун произвели на Илли ни с чем не сравнимое впечатление. Даже образ прекрасной индианки на миг померк в его сердце. О Тазегуль и Овадан-мугалыме даже говорить не приходится. Тем более, что их он уже проворонил. Окончательно вскружили ему голову слова, сказанные Сулгун перед расставанием у ворот ее дома. «Ну, и силен же ты врать, Илли!», – произнесла она с восхищением в голосе.

Перед тем, как идти домой, Илли решил завернуть на Воровской холм. Лишь там, среди тишины и покоя, глядя в бездонно-голубое небо, можно было спокойно подумать, разобраться в своих чувствах. И чем дольше Илли в них разбирался, тем привлекательней казалась ему Сулгун. Красотою она, возможно,

немного уступала индианке, Тазегуль и Овадан-мугалыме, зато ума и решительности у нее было больше, чем у кого-либо из знакомых Илли саганалинцев. И, как ни трудно в этом признаться, у нее была смелость, которой порою так не хватало самому Илли. Трудно даже представить, как столько достоинств смогли вместиться в девчонку, которая почти на полголовы ниже его, Илли, ростом?!

Только Илли как следует размечтался, в жизнь его снова бесцеремонно вмешался Керттик-ага:

– Шел бы ты, сынок, домой. А то опять тебя искать будут! – Голос его звучал ласково.

Судя по всему этот добродушный толстяк, безумно влюбленный в свою старенькую лопату, еще не знал самых последних саганалинских новостей, а то вряд ли бы он так миролюбиво разговаривал с похитителем своей возлюбленной. Поскольку в Саганали новости разносятся с невообразимой быстротой, Илли не стал ждать, пока они достигнут Воровского холма. Он отправился домой, и, только вошел во двор, с первого взгляда понял, что родителям уже все известно.

– Положи сумку и приходи. Поговорить надо. – Гельды-ага даже головы не поднял, чтобы взглянуть на сына.

Никогда прежде путь от порога дома до детской комнаты и обратно не казался Илли таким длинным. Увы, даже самая длинная дорога раньше или позже кончается!

– Ближе подойди! – приказал Гельды-ага сыну, остано-вившемуся в почтительном удалении.

– Я лучше здесь постою!

– У тебя с головой все в порядке? – поинтересовался Гельды-ага. Но ответа он дождаться не успел.

– Что вы там делали?! – сорвалась в крик Сенем. В глазах у нее блестели слезы. – Как мы теперь людям на глаза покажемся?

– Ничего мы не делали...

– Ничего?... Значит учительнице привиделось, как вы в обнимку лежали? – сказал Гельды-ага, растегивая ремень.

Больше всего на свете взрослые любят учить детей уму-разуму! Илли кажется догадался почему: давать советы гораздо проще,

чем им следовать. Иначе почему сами взрослые не делают и половины того, что рекомендуют делать другим, и сваливают свои взрослые проблемы на детские плечи.

В тот день многие отвели душу, наставляя Илли. Самое удивительное, что разные люди, не сговариваясь, повторяли одно и то же. Папа, мама, Овадан-мугалыма, Керттик-ага – хоть бы кто из них сказал что-нибудь новенькое. Нет, повторяли то, что Илли слышал уже тысячу раз. Что ему оставалось – стоял, глядя в землю, и тяжело вздыхал время от времени. Почему никто не спросил Илли, что творится в его душе? Нет, им все равно, наверное, не понять этого. Конечно, если бы Илли постарался, он бы, пожалуй, сумел кое-что втолковать. Но взрослым и в голову не приходит, что умные вещи может говорить не только начальство. Поэтому Илли стоял и молчал, что по мнению распекавших его означало полное признание им своей вины.

И Сулгун досталось добрых советов не меньше, чем Илли. Если бы они воспользовались хоть десятой их частью, никто в Саганали не мог бы сравниться с ними мудростью. Но, если говорить об Илли, он ничуть не поумнел. Сколько не пытается понять, что имела ввиду Сулгун, когда сказала: «Ну, и силен же ты врать!..», никак не может найти ответа. Может, она думает, что он обманщик?!

Три дня держался Илли в стороне от Сулгун, даже посмотреть в ее сторону не смел. Но в конце концов его терпение лопнуло! Он подкараулил ее на полпути от школы.

– Ругали? – Сулгун улыбнулась ему как ни в чем не бывало

– Ругали. – Вздохнул Илли.

– Сказал, что больше не будешь?

– Они разве отстанут? – уклонился от прямого ответа Илли.

– Боишься?

– Я?! Я никого не боюсь! – заявил он заносчиво.

– Все о нас только и болтают.

– Ну и пусть.

– И смеются.

– Ну и пусть смеются!

– Их, наверное, завидки берут.

Илли удивленно посмотрел на Сулгун. Какая она все-таки умная!

Эта мысль ему в голову почему-то не приходила. Но внезапно его тоже осенило.

– Давай, погуляем немножечко, – предложил Илли и, как галантный кавалер, взял Сулгун под руку.

– Зачем? – попыталась освободиться она.

– Чтобы еще больше болтали. Поговорят, а потом им надоест и оставят нас в покое.

Илли заблуждался, полагая, что со временем все забывается. Бывает так, что спустя годы досужая болтовня превращается сначала в красивую легенду, а потом, если повезет, в прекрасный дестан, слушая который люди украдкой утирают слезы. Кто знает, может быть пройдет время и кто-нибудь напишет дестан о Илли и Сулгун, и, читая эту волнующую поэму, наши внуки будут радоваться и плакать!

Эх, взрослые, взрослые!... Слушать любовные дестаны вам нравится?.. Нравится! Отчего же тогда вы категорически против, чтобы героями дестана были ваши собственные дети?

Скажем прямо: не все саганалинцы ополчились против Илли и Сулгун. Например, какой-то мужчина средних лет, глядя им вслед, масляным голосом воскликнул:

– У Зохре и Тахира, у Шасенем и Гариба не было, наверное, такой любви!

– Ну, прямо, как в индийском кино!.. – мечтательным тоном заметила какая-то молодка, когда Илли и Сулгун проходили возле магазина.

Правда, ее тотчас поставила на место соседка по очереди.

– У нынешней молодежи только ветер в голове!.. А теперь уж и дети выпендриваться стали. Надо же, под ручку ходят! Да в их возрасте об этом и знать не положено. Я за всю жизнь ни разу мужа под руку не взяла...

– А во всем телевизор виноват, – поддержал ее какой-то мужчина. – Чего там только не показывают!

Не успели еще Сулгун и Илли дважды пройти из конца в конец главной улицы, как весть об их новой выходке уже облетела Саганали и достигла Воровского холма. Возмущенные родители, подобно грозным орлам, налетели на наших голубков, и не дав им сказать другу другу «прощай!», занялись воспитанием молодого

поколения. Еще по дороге домой Гельды-ага дал сыну пару хороших подзатыльников, а дома... Нет, на этот раз не ремнем, а розгой всыпал отец нашему герою, да так, что неизвестно, чем бы закончилась эта учеба, когда бы материнское сердце не подсказало Сенем, что воспитательный процесс пора прервать.

Илли не плакал. Он ревел, выл, рыдал, обливался слезами, кричал как резаный, орал, визжал от боли, но ради Сулгун, не раздумывая, претерпел бы и вдвое больше, лишь бы ее не коснулось пламя родительского гнева.

Еще не высохли слезы и каждая клеточка тела горела негасимым огнем, когда в комнату, где Илли, лежа на животе (другие положения были для него пока неприемлимы), предавался размышлениям о радостях и огорчениях, которые приносит человеку любовь, когда в комнату неслышно вошла Тазегуль.

– Здравствуй, деверь!

Илли ничего не забыл, и ничего не простил! Он сделал вид, что не слышит.

Но Тазегуль не унималась.

– Ты что же, так никогда и не будешь со мной здороваться? Смотри, я обижусь!

Илли взглянул на невестку. Сквозь слезы он увидел ее улыбающееся лицо, и в глазах у него потемнело от обиды.

– Меня высекли, а тебе смешно!

– Что ты!.. Я просто так улыбнулась. – Тазегуль протянула руку, чтобы пригладить его взъерошенные волосы, но Илли отпрянул в сторону, точно к нему приближалась ядовитая змея.

– Не прикасайся ко мне!

– Какая муха тебя укусила?

– Предательница!

– Ах, вот в чем дело! Ты уж прости меня, дорогой деверь.

Илли хотел воскликнуть «Никогда!», но прекрасная мысль пришла ему в голову. Забыв о боли, вскочил он с кровати и выбежал из комнаты.

Тазегуль кинулась за ним вдогонку.

Илли побежал к колодцу. Он схватил ведра и протянул их невестке:

– Помнишь, что ты мне обещала?

– Конечно. Я от своих слов не отказываюсь. – Тазегуль взяла ведра, наполнила их до краев и медленно пошла с ними к загону с овцами. Илли шествовал рядом. Ему хотелось насладиться местью, но этому мешало его доброе и ранимое, как у индийской красавицы, сердце. Сердцу сделалось больно при виде того, как Тазегуль, закусив от напряжения губу, несет тяжелые ведра.

– Ладно. Давай помогу, – Илли взялся за дужку ведра.

Но у Тазегуль тоже был характер. Она потянула ведро к себе.

– Отпусти! Ты мне мешаешь.

– Не отпущу!

– Я сказала – отпусти!

Так-то Илли ее и послушался!..

Трудно сказать, как бы закончилось это противоборство, если бы не вмешалась Сенем.

– Это что тут происходит?! Ты почему, Тазегуль-джан, воду таскаешь. Это Ильмурата обязанность скотину поить. – Сенем забрала у невестки ведра и поставила перед Илли. – Это что такое? Тебе не стыдно заставлять гелнедже работать?

– Не стыдно, – буркнул Илли, и тут же получил звонкую оплеуху, от которой из глаз у него посыпались искры.

– Мало тебе, что перед всем селом нас опозорил, ты еще добавить решил?! Я тебе покажу – телевизор. Ты теперь к телевизору, бесстыдник, и близко не подойдешь!

– Не ругайте его, пожалуйста. Это я виновата.

– Твоя-то в чем вина, Тазегуль-джан?

– Илли обиделся на меня. Говорит, напои овец, тогда искупишь свою вину.

– Он, наверное, пошутил.

– Я тоже сначала так думала, но...

Слова Тазегуль ошарашили Илли. «Если человек вступил на тропу предательства, ему, видно, не просто вернуться к честной жизни!», – мелькнуло у него в голове, а потом в глазах у Илли потемнело так, будто ему шанда-рахнули по макушке тяжеленным ведром. Когда же к нему вновь вернулась способность видеть, он обнаружил, что мир вокруг здорово переменялся. Его красивая и добрая мама стала теперь не такой красивой, как прежде, а о доброте и говорить не приходится.

– Что стоишь, как истукан? А ну-ка, быстро бери ведра! – приказала она Илли.

Илли взглянул на Тазегуль. И ее красота куда-то испарилась. Готовый вот-вот расплакаться Илли поднял тяжелые ведра и побрел к загону. А за спиной у него...

– ...говорит, помнишь, ты мне обещала помогать, так и...

Сенем не дала невестке договорить.

– Этот ребенок человеческого отношения не понимает. С ним нельзя по-хорошему!

И мама предала его!.. Другим людям везет: им мама бывает надежной опорой не только в детстве, но и в зрелые годы. А Илли... Мир показался ему тесней овечьего закута. С Сулгун его разлучили... Родная мать – и та отвернулась...

Напоив овец он отправился к Айхану. Только другу мог он доверить, что творится сейчас у него на сердце. Но и тут его ожидало разочарование. Айхан, пряча глаза, признался, что мама запретила ему дружить с Илли. А тетушка Айджан выйдя из комнаты сказала:

– Ступай домой, Илли! Айхан еще уроки не сделал.

Илли вернулся домой. Никем не замеченный прошел он в свою комнату, разделся и лег в кровать. Было уже не рано, но сон не шел к нему. Тяжело быть одному в целом мире!.. Помечтать, как обычно мечтал он перед сном, медленно погружаясь в дрему, мешали тяжелые мысли. Даже улыбка индианки сегодня не радовала, она была какой-то холодной, натянутой.

Так пролежал он довольно долго, потом встал и отправился бродить по дому. Заглянул в гостинную. Там, сидя перед телевизором, занималась рукоделием мама. Первым его желанием было броситься к ней, но потом он передумал и, тихонько вздохнув, прикрыл дверь.

Потом он пошел к отцу. Гельды-ага читал газету.

– Что скажешь? – спросил он, когда Илли заглянул в комнату.

– Папа, можно я у тебя в комнате спать буду?

– А в твоей комнате что, джин Хет-Хет поселился?

– Мне не хочется одному спать.

– Тогда, может, и тебя женить? Подожди, станешь, как Ашир...

– Не хочу я быть, как Ашир.

– Чего ж ты хочешь?

– Мне хочется с тобой спать.

Гельды-ага некоторое время колебался, потом нехотя сказал:

– Хорошо. Тащи свою постель.

Илли побежал к себе, принес постель, а когда расстелил ее, обнаружил, что отец уже спит. Огорченный Илли свернул матрац и вернулся в свою комнату. Если бы сейчас туда прилетел джин Хет-Хет, Илли бы его не испугался. Они бы поговорили по душам...

– Не спится? – прозвучал чей-то приятный голос.

Нет, не джин Хет-Хет, а прекрасная индианка сидела на краю его кровати.

– А, это ты... – Илли тяжело вздохнул. – Все меня ненавидят.

– Ну, что ты!

– Не надо меня жалеть! Никто меня не любит, все меня предали: и мама, и папа, и Овадан-мугалыма, и Тазелуль, и Айхан – все... А я их всех так любил.

– Ты их и сейчас любишь, Илли. Вот станешь взрослым и поймешь это.

– Не хочу я быть взрослым.

– Почему?

– Все взрослые – предатели и сплетники. А я не хочу быть таким.

– Ты и не будешь, – обнадежила его индианка.

– Тазегуль мне разонравилась, – пожаловался Илли. – А мама сказала, что ко мне нельзя относиться по-человечески.

Индианка своей нежной и прохладной рукой погладила Илли по щеке. Блаженство растеклось по всему его телу и некоторое время он лежал молча.

– Я женюсь на тебе, когда вырасту, – признался он.

– Ах, Иллиджан, когда ты вырастешь, меня уже не увидишь!

– Почему! – Илли вскочил, как ужаленный.

– Лежи! – успокоила его индианка. – Просто, только в детстве можно позволить себе все, что пожелаешь.

– Это почему же я тебя не смогу увидеть, – продолжал допытываться Илли.

– Потому что, когда ты вырастешь, и душа у тебя другой станет.

Появятся новые дела, новые мечты...

– Что же мне делать?

– Танцуй! – сказала индианка. – Ты же видел, что в индийских фильмах, хорошо людям или плохо, они все равно поют и танцуют.

– Индианка запела, взяла Илли за руку и вывела на середину комнаты. – Танцуй, Илли, танцуй!

– Но я не умею! – испугался он.

– Ты просто не пробывал раньше. Танцуй! – приказала индианка и улыбнулась своей белозубой улыбкой.

Ночь исчезла!.. Солнце засияло в зените! Илли и не подозревал, что он умеет так здорово танцевать. Вот бы позавидывал Айхан, если бы увидел!

Илли танцевал, а индианка пела:

Эх, взрослые, взрослые!.. Все вы знаете, целый мир вам подвластен, но разве способны вы постичь чудный мир ваших детей!

Эх, взрослые, взрослые!.. Множество раз должен влюбляться ребенок, пока найдет свою единственную, пока поймет, что муки и страдания, которые приносит любовь, – недорогая плата за счастье, что она дарует людям!

Powestler